



МАРГО ЯМАН

СИЯНИЕ СМЕРТИ

ЦИКЛ: ВРЕМЯ ЭФИРОВ

Марго Яман

Сияние смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68912928

SelfPub; 2023

Аннотация

Кто этот зверь, не оставляющий следов и сокрытый от глаз? Как связаны убийства и прошлогодний взрыв скалы; девушка из психиатрической лечебницы и преступление 18-летней давности? К каким бы невероятным событиям не привёл поиск ответов Павла и его коллег – ответы найдут. Даже если для этого придётся взглянуть на мир под другим, совершенно фантастическим углом!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	40
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Марго Яман

Сияние смерти

Пролог

Голод беспощаден к любому, кто способен его испытать. Он не милостив и не великодушен. Жестокий тиран и поработоритель, и власть его велика.

Лёгкий и небрежный вначале голод неумолимо начнёт терзать и разъедать нутро, требуя подношение, требуя от сознания сосредоточиться на поиске насыщения и, не получив возжеленного, отдаст измученное им самим тело и разум во власть инстинктов.

У инстинктов же морали нет и нет границ. Есть одна лишь цель: утолить эту жгучую жажду, чтобы выжить. Любой ценой.

Но у Него есть и высшая цель: загнать и разорвать Охотника! Вот чья кровь желаннее прочих, вот чья сила напитает его так, что он будет способен освободить остальных. Но это после.

А пока Ему хотелось не сдохнуть от голода, который скрутился в его желудке в тугой узел и вот-вот разорвёт. Как же трудно стало находить еду. Наступили холода, сократился световой день, и лес опустел. Все прятались в

тепле своих нор, куда ему было не проникнуть, и в поисках пищи из леса пришлось выйти.

Нападать днём безумие. Но выжидать до темноты не было больше сил. Сознание скоро оставит его. Последние капли несчастного разума стекали с клыков вместе с голодной пеной. А еда, хоть и передвигалась неспешно, была уже совсем близко. Скоро её последний шаг будет сделан и для него наконец наступит покой, прояснится взор, исчезнет изнуряющая голодная боль, и вернётся нюх, чтобы продолжать поиск Охотника. Надолго ли в этот раз? Интервалы с приближением зимы становились всё меньше, а жажда всё больше. И люди... люди всё ближе.

Тихое рычание вырвалось из пасти. Не сдержался.

Прохожий испугано дернулся и ускорил шаг, оглядываясь по сторонам, кто-то в наушниках не обратил внимания и не спеша продолжил путь по ровной аллейке. Мать, подхватив смеющегося малыша на руки свернула с дорожки на тропу в надежде сократить путь, и побежала вдоль озера к шоссе. Прямо мимо него, глупая, глупая человечка. Как недалеко видно и опасно. И как же хотелось насыщения.

А цель его меж тем приближалась, не подозревая о своём примитивном предназначении. Может в голове у неё и роились тысячи планов на своё будущее, но сбыться им не суждено.

Наконец компания подростков, оккупировавшая парковую скамейку включила на полную громкость колонку с от-

борным матом под три аккорда. Вот он, великолепный момент, сейчас!

Багряные от осени кусты скрывали напряжённое тело, готовое к броску. Ещё мгновение, рывок, глухой удар, шорох опавших листьев и жадные звуки, рвущие плоть никто не услышал. Повезло.

Но повезёт ли снова? – вяло подумал он, отрывая своё насытившееся и обессиленное изнуряющим голодом тело от останков, и волоча его в сторону леса. Он оставил очередное послание. Скоро Охотник узнает, что он рядом...

Глава 1

Резкий звук ворвался в прекрасный сон о молочном поросёнке на огромном блюде. Просыпаться не хотелось. Кусок мяса был так близок ко рту, что его дивный аромат ощущался каждой клеточкой. Слюна уже заполнила рот в предвкушении пиршества, но телефон был неумолим.

– Слушаю тебя, чудовище, кем бы ты ни было? – проскрипел в трубку сонный голос.

– Павел Аркадьевич! Срочно выезжай, у нас снова «то самое»! Скину адрес сообщением. – протараторил в ответ юный голосок дежурного и отключился. Через мгновение телефон принял СМС «Александровский парк, седьмая аллея».

Ехать на «то самое» не хотелось. Хотелось поросёнка и послать к чёрту врача, обязавшего придерживаться диеты. А ещё послать начальство, создавшее специальный отдел по невыясненным происшествиям, куда его определили год назад после тяжёлого ранения.

Отдел образовался из-за одного непонятного дела как секретный и таинственный, но посмеивались над ним все. Очень быстро в него стали сливать все «необъяснимые» дела, которые из-за недостатка улик и нерасторопности молодых спецов так и остались нераскрытыми, и он превратился в полицейский «отстойник».

Ничего таинственного. Рутину для тех, кто выпал из обоймы: пары раненых оперативников, спивающегося, но всё ещё гениального патологоанатома, молоденького стажёра, которому в основном штате места не нашлось. И секретаря: она же племянница главного, она же «специалист» по всему мистическому, сейсмолог в простонародье. Выучилась и за чем-то вернулась в городок, где сейсмической активности отродясь не наблюдалось.

С её легкой руки и образовался этот отдельчик после короткого землетрясения и странного взрыва, развалившего единственную на всю округу скалу на две «пизанские башни». К огромному сожалению скала, с которой открывался великолепный и чарующий вид на огромное озеро пользовалась у всевозможных туристов популярностью.

Сюда ехали отдыхать из соседних областей, даже из других городов, да и местные с удовольствием устраивали у подножия скалы пикники, и водили школьные классы в походы. Потому пострадавших и погибших в результате взрыва, который случился как раз в разгар летнего сезона, было много.

Спасатели и полиция работали сутками, разгребая завалы и надеясь найти выживших. Добровольцы оказывали посильную помощь, сопровождая раненых к машинам скорой помощи, и составляя списки пострадавших по найденным документам, а так же со слов тех, кто был в сознании и мог говорить.

Там-то Паша и повредил ногу. Раздробило всмятку кус-

ком скалы, когда участвовал в спасательной операции. Сам чуть не погиб, и в больницу попал надолго. О дальнейшем узнавал уже со слов коллег.

Трагедия эта потрясла жителей и говорили о ней ещё долго. А в этом году у скалы появился небольшой мемориал при поддержке местной администрации.

Версия о природном катаклизме, послужившим взрыву была отмечена, когда работавшие на месте трагедии криминалисты обнаружили остатки взрывчатого вещества, содержащие неизвестные науке химические элементы. Заговорили о теракте, а к башням понаехали все, кому не лень.

Доклад же о неопознанном веществе привлёк и правительственные спецслужбы, которые прибыв, изъяли все материалы по взрыву, включая образцы вещества, огородили огромную территорию вокруг образовавшихся башен, разбили лагерь, долго что-то изучали, и наконец убывли, скинув в итоге две «башни» на местную полицию: скала ваша, вот сами и возитесь со своим терактом. «Теракт» прозвучало, как окончательное определение произошедшего, о веществе ни слова, образцы тоже не вернули.

После экстрасенсы потянулись, дескать «место силы» почувяли. Были еще совсем смешные товарищи с рамками, паранормальные следы искали, но и эти отвалились со временем.

В управлении розыскные мероприятия провели, но установить связь взрыва с террористами не удалось, да и ответ-

ственность на себя за якобы теракт никто не взял.

А в химии они не сильнее спецслужб были, вот и хотели убрать дело на полку, да только племянница главного активничала, что всплывёт эта химия в каком крупном теракте, с них спросят. А им и ответить нечего будет. Им поручили, а они не разобрались. Так и вырос в цокольном этаже отдел ради одного происшествия.

Павел иллюзий не питал, понимал то списали их: его, ставшего инвалидом, напарника Васька, который всё ещё по больницам кочевал, Петровича, который с женой Бога молил о ребёночке, да всё без толку. А тут вынужден был не одно детское тельце вскрывать. Не выдюжил, запил.

Списали их, но не выбросили, кинули подачку в виде нового отдела и забыли. В общем отстой. Но с зарплатой. Платили исправно и даже премию к новому году выписали.

Старые дела худо бедно раскрывались, опыт огромный, было на что опереться, но на текущие выезды не брали. И насмешки бывших коллег терпеть приходилось, да и жена, поняв что звездочек на погонах больше не будет и перспектив стать женой генерала тоже тихо исчезла. Сначала под предлогом командировки в другой город, потом в другую страну, а оттуда передала документы на развод через адвоката.

Так и остался Павел, высокий потянутый шатен с завидной внешностью и необычайно яркими зеленеющими глазами, в прошлом боевой командир, служивший в горячих точках и лучший следователь угрозыска, разведённым калекой,

возглавляющим непонятный отдел.

Ни одного серьезного дела за год, а теперь вот третий раз вызывают: зверь повадился на людей нападать. «Знамо дело, крутым и здоровым операм не с руки этим заниматься, скинули ему. Надо ехать.»

На аллейке старого парка толпился народ. Хоть и ранний час, а поглазеть, как тело в мешок упакуют да в машину погрузят желающие нашлись. Стояли за ограждением, не рвались вперёд. То тихо переговаривались и жадно ловили случайные слова, то нетерпеливо расспрашивали друг друга.

Порой из общего гула выделялись отдельные голоса поднимаясь до жалобной октавы, и затихали. Зрители снимали на телефоны и смаковали подробности в сетях тут же, не стесняясь присутствующих оперативников.

Зевак Павел Аркадьевич ненавидел. Люто. Как будто дел больше в жизни нет, как горе чужое в своих телефонах лелеять. И ведь пользы от них нет, одни сплетни да паника среди населения.

Чуть поодаль от всех Павел заприметил девушку, которая дрожа от холода в куценьком пальтишке тихо плакала, не отводя взгляда от тела, бывшее ещё вчера молодым парнем. Знакомая? Свидетель?

Он сделал шаг в её сторону, но его окликнул Денис Смирнов, занявший освобожденное им место в убойном. Это был молодой, поджарый парень среднего для мужчины роста, одетый в кожаную куртку с меховым воротником, тёмные

джинсы и ботинки. Смешливые глаза сверкнули хитринкой:

– Павел Аркадьевич, по ходу серия намечается. Это уже третья жертва с вырванным горлом и почти без крови.

– Заберут. – в мыслях успел огорчиться капитан, но Смирнов продолжил: – Но серия не наша, по вашей части. В смысле таинственности.

– Не понял? – Павел поёжился от прохлады и внимательно оглядел собеседника, ожидая ответа.

– По всем признакам, – Смирнов затих в драматической паузе, – вампиры! – и заржал, а следом и его напарник, стоявший чуть поодаль с отстранённым видом. И так они сотрясались от собственной, по их мнению удачной шутки, что не заметили, как за ограждением заклацали телефоны и новость понеслась в массы.

– Дебил ты, Смирнов! Выгонят тебя из убойного, как пить дать выгонят. – раздался за спиной хриплый голос.

– Петрович! – Павел обернулся и с улыбкой обнял старого друга и наконец–то вышедшего из запоя патологоанатома. – Как ты? – спросил тихо.

– Нормально, Паш! Кофейку бы мне, есть? – с надеждой спросил Сергей Петрович, приглаживая слегка дрожащей рукой взлохмаченную шевелюру. Выглядел он весь помято и устало. Следы безудержных возлияний были заметны, как никогда: лицо осунулось, волосы цвета высохшей степной травы висели лохматыми, тусклыми прядями, одежда в беспорядке и пронзительный когда–то взгляд стал по-

тухшим. Но он снова в строю, и Павел был рад.

Мариночка, практикантка Петровича, вздохнула с видимым облегчением при виде наставника. Она, ни разу не делавшая вскрытия самостоятельно, не могла принять на себя такую ответственность и до ужаса боялась сплеховать и промахнуться с выводами.

Ограничивалась осмотром, предварительным заключением и терпеливо ждала Петровича, держа тела в холодильнике, благо родственники первых двух жертв не объявились пока и тела для похорон не затребовали.

Смирнов тем временем отошёл подальше. Кто знает, почему старого пропойцу до сих пор не выгнали, может «свои» в верхах имеются. Связываться с ним себе дороже, хотя послать далеко и безвозмездно язык чесался аж до жути.

Вскоре они с напарником отбыли, а Петрович, получив заветный кофе из Пашиного термоса подошёл к зарослям густого кустарника, за которыми и было обнаружено тело бойким терьером, совершавшим обычную утреннюю прогулку со своей пожилой хозяйкой, и где уже вовсю собирали улики криминалисты. Там же внимательно осматривал место преступления Павел. Его способность подмечать детали, которые порой упускали из виду даже опытные криминалисты была очень известна в управлении. А в тандеме с ним, с Петровичем, гением экспертизы им равных не находилось. Так было раньше. До скалы. После многое изменилось. «Но мастерство не пропёшь.» – подумалось патологоанатому, и он

взглянул на жертву.

Молодой мужчина лежал на спине. Обычная, недорогая одежда и обувь. Ветровка, джинсы, простенькие кеды. Руки раскинуты в стороны, в одной всё ещё зажата книга. Самое ценное? «Основы паркового ландшафта». Странное чтение для молодого человека. Лямка яркого рюкзака перекинута через вторую руку. Нёс на одном плече. В открытых глазах застыл, нет, не страх. Недоумение. Как будто он вовсе и не понял, что происходит. Не успел. Горло отсутствовало полностью и голову рядом с телом удерживал лишь капюшон куртки, который чудом не спал во время нападения. Ни следов сопротивления, бегства, борьбы. Ничего. Как если бы парнишка не возражал и терпеливо ждал, пока ему отгрызут часть тела.

– Марина, что-то успели выяснить? – обратился Сергей Петрович к своей практикантке.

– Да, всё здесь, – протягивая блокнот и диктофон сказала Марина. – И ребята с уликами закончили. Сергей Петрович, это ведь у нас третье такое убийство. Точно такое. Два первых тела в морге дожидаются, я не вскрывала, вас ждала. Так же почти полностью обескровлены. Как будто выжали их. Или выпили.

– Ну уж, прямо выпили? – улыбнулся Петрович. – Ладно, если ребята всё собрали, распорядись, пусть увозят. Пойдём выясним, кто же у нас так пить хотел.

Капитан же, опираясь на трость и морщась от сильнейшей

боли оглядывал так хорошо знакомый с детства парк. Вот он кустарник в два человеческих роста, очень густой и багряный от осени, за которым можно при желании затаиться и остаться незамеченным, и где нашли спозаранку погибшего парня.

На его ветках уже вовсю звенели синички, стайка воробьёв прыгала вдоль тропинки, огибающей эти заросли и бегущей вниз, к озеру. Деревья, будто в прятки играя с солнцем подставляли его лучам то один то другой листик, а лёгкая изморось на них сверкала от души россыпью крохотных бриллиантов.

Где-то слышались болтливые сороки, тут же прыгали смелые белки, собирая на зиму последние дары природы, которая продолжала жить и дышать, и красоваться.

А чуть выше, на самой аллее находились волшебные лавочки, украшенные искусной резьбой, расположившиеся здесь с незапамятных времен. Они бережно охранялись администрацией и местными жителями, которые совершенно справедливо находили их уникальными.

По этим аллеям он на велике ещё пацаном гонял, сюда же с девочкой из класса ходил уток в озере кормить, и лебедей смотреть, и множество хороших историй приключилось с ним и его друзьями в этом парке. Горожане его любили и берегли.

Так кто же посреди всего этого великолепия, этой умиротворённой красоты настолько отчаялся, что совершил страш-

ное зло?

Павел буквально видел, как это случилось: вот парнишка идёт от озера по тропинке в сторону аллеи. Одной рукой придерживает лямку рюкзака, другой открытую книгу. Он увлечён чтением, идёт давно знакомой тропой не глядя по сторонам. Поравнявшись с зарослями его следы заканчиваются, протекторы его кроссовок прослеживаются только до кустов. А дальше что? Кто-то рывком поднял его и закинул в заросли, где и убил? Кто обладает подобной силой? И кровь. Его кровь есть в кустах, но нет на тропинке. В кустах убили.

– Предварительно, Паша, парня убили с где-то с четырёх до восьми вечера вчера, точнее позже скажу, – подошёл патологоанатом к капитану, – В кустах есть следы обуви, мужской 47 размер, подошва приметная. Следы довольно свежие. Возможно парня поджидали. А может его нашли раньше терьера, но не сообщили. Есть так же следы жидкости, оставленной на кустах и земле возле следов, анализ проведём. Это всё пока.

– Что с орудием убийства? Или зверь? – уточнил Павел.

– После вскрытия, Паша. Может и зверь. Но следов звериных криминалисты не нашли, не прилетел же он? Смерть мгновенная, без сопротивления, парень даже испугаться не успел. Остальное в отчёте. – и Петрович с Мариной уехали в морг.

«Прилетел. Взлетел. Интересное слово. Девушка, блин же,» – вспомнил Павел и оглянулся на зевак. Её и след про-

стыл. Коря себя за нерасторопность и надеясь на фотографа – криминалиста капитан следом за Петровичем отправился в управление.

А там дым стоял коромыслом. Первые сплетни о нашествии вампиров заполонили сети. С ужасающей скоростью они обрастали подробностями, и вот уже звонки репортёров, желающих подтверждения из первых уст терзали телефоны дежурных.

Смирнов затаился в кабинете, прекрасно осознавая, что придётся–таки отвечать перед начальством, остальные же, хохоча, зачитывали вслух посты горожан, разделившихся на два лагеря: одни утверждали, что вот оно, доказательство, и в полиции просто так не скажут(Смирнов в этом моменте стонал и проклинал себя за глупость), другие – что первые безмозглые тупицы.

Паша, посмеиваясь, прошёл мимо убойного и спустился к себе. Спускаться было больно и трудно, и трость эта дурацкая не помогала, и нога висела тряпкой бесполезной, а после утренней поездки ещё и болела дико, но виду не подавал. Опасался: вдруг и этот никчёмный отдел отнимут, как он тогда без любимого дела?

Всё что он любил и умел – это ребусы да загадки разгадывать, выслеживать, вынюхивать. Они с Васьком и Петровичем горы сворачивали, а теперь вот едва ходит. Ни в засаду, ни в погоню. Но голова–то, голова цела пока. Думать может ещё, анализировать. А нога пусть болит, адски болит, потер-

пит он.

Секретарь Анечка, невысокая и пухленькая блондинка процокав каблучками по коридору открыла скрипучую дверь и заглянула к дежурному:

– Андрюша, Павел Аркадьевич к себе вызывает, пойдём!

Андрей необычайно оживился. Молодой стажёр пылился в дежурке, где ничего не происходило. Изучение старых дел давало неизмеримый опыт, но кровь кипела, молодость была копытом, и хотелось «со шпагами на перевес». Давненько он ждал настоящего расследования по горячим следам, и вот оно. Наконец–то.

Он так резво вскочил со стула, что опрокинул и его, и корзину с мусором. Наспех всё собрав он рванул в кабинет капитана, чуть не сбив с ног и Анечку.

– Сумасшедший! – воскликнула она, и сдерживая улыбку поцокала за ним следом.

«Капитан Буран Павел Аркадьевич. Главный следователь ОТП» гласила солидная табличка на двери. Андрей ворвался чуть ли не с разбега, счастливо улыбаясь: – Вызывали, Павел Аркадьевич?

– Вызывал, Кириянов, вызывал. Анна, входите. – обратился Павел к подошедшей девушке.

– Петрович у нас в строю, ждем его отчет по всем трём жертвам, а пока есть для вас задание: как вы знаете, последнее убийство в отличии от первых двух произошло в парке, в непосредственной близости от людей. По одной из

версий нападение зверя. Поэтому необходимо проверить целостность паркового ограждения, особенно той его части, что примыкает к лесу.

По мнению криминалистов смерть наступила в интервале с шестнадцати до двадцати часов. В шестнадцать ещё светло, возможно есть свидетели. Найдите их.

Первые два тела были найдены в лесу: Анна, год назад вы плотно сотрудничали с егерем местным, опросите его, не было ли в его вотчине задранного зверья с такими же ранами?

Так же на месте преступления обнаружены следы подошвы 47 размера. Нестандартный размер, в магазинах не найдёшь, возможно обувь сделана на заказ, узнайте, кто в городе занимается.

И ещё. Никаких разговоров о вампирах. Комментариев журналистам тоже не давать, пусть Смирнов отдувается. Что с родственниками первых погибших? Удалось связаться?

– Нет пока, ищем. По адресу регистрации Екатерины Зиновьевой никто, кроме неё не проживает, соседи говорят, есть мать, но где – тоже никто не знает. Давно не видели с дочерью. Пьющая она, вроде, мать эта.

А Витальев Герман родственников живых не имеет. Есть сожительница, живут давно и даже дружно, так же по мнению соседей, но она часто уезжает в командировки, археолог. Сейчас тоже на раскопках, пытаемся найти место её работы, чтобы через начальство сообщить.

– А Екатерина одна живёт? Нет сожителя?

– Есть мужчина. Приходит иногда, но соседи ничего о нём не знают.

– Павел Аркадьевич! Вы просили срочно напечатать. – протягивая конверт сказал вошедший фотограф.

Практически вырвав конверт из рук и бегло просмотрев снимки Буран вытащил один и протянул Андрею: – Видишь девушку в сером пальто с красным шарфом? Найдите мне её во что бы то ни стало!

Глава 2

– Кира Юрьевна, милая моя! Мне крайне огорчительно наблюдать вас снова в стенах этого заведения. Не бережёте вы себя, а надо бы. Отчего же вы забросили приём препаратов? – вопрошал с участием седых лет доктор. – Ведь за последние годы медицина совершила прямо таки прорыв, и назначенные вам лекарства показали весьма положительную динамику, не должно быть рецидивов, но вот же... вы снова здесь.

– Я не бросала. – безучастно прошептала Кира.

– Позвольте не поверить вам, хорошая моя.

– Я засыпаю, простите. – еле слышно ответила высокая, стройная девушка с копной светлых волос, сидящая на больничной койке.

– Это укол, вы поспите, но мы не закончили беседу. Отдыхайте пока.

Кира опустила голову на подушку, обняла себя за плечи и поджала ноги. Доктор накинул на худенькую фигурку плед и вышел, закрыв за собой дверь. А слёзы продолжали катиться из глаз, медленно закрывающихся под воздействием успокоительного. Цепляясь за ускользающее сознание она снова и снова вспоминала сегодняшнее утро.

Зачем пошла через парк? Потому что снова видела следы. И эти раны на теле бедного парня. Они ей знакомы, она

хорошо их помнит. Ну почему это случилось сейчас, когда её жизнь стала хоть немного похожа на нормальную? Лекарства и правда помогали. Несколько лет не видела ничего и почти поверила, что здорова. «Видела, всё ты видела, но делала вид, что не замечаешь!» – коварно подсказало сознание, и наконец ускользнуло. Кира уснула.

Главврач психиатрической лечебницы, Соболев Александр Викторович, сокрушался о новой пациентке, задумчиво глядя в окно. Имеющий множество медицинских наград и званий, огромный опыт в своей непростой области он не мог никому, а долгое время и себе признаться в том, что Самойлова Кира Юрьевна его большой медицинский провал.

Нет, безусловно есть тяжёлые случаи, когда ни одна терапия не в силах помочь, но случай Киры не был тяжёлым. Он был непонятным при всей своей очевидности.

Поступив к ним ещё на детское отделение после жесточайшей драмы, свидетелем которой она стала, что не могло не сказаться на юной и незрелой ещё психике, девочка так и осталась с ними на многие годы.

Хотя в самом начале её пути они все были глубоко убеждены, что смогут помочь ей справиться со стрессом, но стресс имел последствия. В периоды кажущейся ремиссии её отправляли в интернат, но она всегда возвращалась. Любое исследование её мозга на протяжении этих лет давало один и тот же результат. Мозг целостен, здоров и функционален. Нет поражений. Нет изменений. Нет хоть какихнибудь от-

личий от мозга здорового человека. Никаких.

Но галлюцинации не отступали, и приступы агрессии, всегда сопровождавшиеся кашеобразным бормотанием, за которым ни словечка не разобрать, сколько не пытались, заканчивались так же внезапно, как и начинались. Некоторое время после них Кира была подавлена, и много плакала, смотрела на врачей с глубоким разочарованием, как если бы пыталась докричаться, но не смогла, и становилась обычным ребёнком. До следующего припадка.

И вроде бы всё ясно, но организм не откликался ни на один препарат, ни на одну терапию никогда. Нейролептики, которые принимала девочка, должны были избавить её от галлюцинаций, но этого не происходило. При всей очевидности диагноза лечение не смогли найти.

До появления нового средства, которое неожиданно нашло отклик. За год ни одного приступа. Алексей Викторович настолько воодушевился, что начал потихоньку социализировать девушку, выбил для неё комнату в общежитии, помог с курсами дизайна, работой, и выпустил наконец птичку из клетки. И вот она вернулась.

Как же горько ему было обнаружить её снова в стенах своей лечебницы. Отдав необходимые распоряжения о проведении полного обследования, профессор вернулся к текущим задачам, ожидая, когда проснётся его пациентка.

Погибший парень оказался круглым сиротой и студентом лесотехнической академии, судя по пропуску проживал в об-

щежитии при ней же. Туда и направлялся Буран, в надежде найти однокурсников, кто смог бы его опознать.

Предъявив удостоверение на входе и сильно хромая он в сопровождении дежурного пошёл по коридорам. Студенческая жизнь здесь была ключом. Где-то звенел весёлый смех, откуда-то доносилась музыка, мимо пробегали парни и девушки, спешащие по своим делам. Только для Игоря Петрова эта жизнь закончилась. Он, вероятно, строил планы, мечтал или просто наслаждался молодостью и никуда не спешил, но кто-то оборвал эти мечты.

Постучав в указанную дежурным дверь капитан вошёл, спугнув при этом обнимавшуюся парочку. Ребята засмутились, но взглянув на удостоверение вмиг посерьёзтели. Услышав новость девушка заплакала, а паренёк сел на кровать в полной растерянности. Он не знал, как вести себя услышав подобное. Что говорить, куда бежать?

Павел его понимал. Реальность, порой, самым насильственным образом вторгается в жизни, круша всё на своём пути и выбивая почву из под ног. Задавая конкретные вопросы капитан помог пареньку собраться и взять себя в руки. Как учился? С кем общался? Что мог делать в парке? Подрабатывал ли? Как проводил свободное время? Ссорился ли с кем-то?

Записав все ответы и договорившись об опознании на завтра Буран покинул общежитие, оставив после себя растревоженный плохой новостью студенческий мир. Приносить пло-

хия новости Паша не любил, никто из них не любил, это была самая поганая часть работы, которую необходимо выполнять, но к которой невозможно привыкнуть. А и привыкать не хотелось. Позвонила Анна, есть сведения от егеря. Пора возвращаться.

По пути в свой кабинет капитан заглянул в морг к Петровичу, может он хоть что-то ему даст, но застыл в дверях. Его старый друг суетился между телами и своими колбами, и каким-то неведомым оборудованием, в котором Павел ничего не смыслил, с выражением безудержного вдохновения на лице. Знал он это выражение. Петрович поймал волну. Что-то унюхал и идёт по следу. Нельзя его сейчас отвлекать. Нельзя сбить со следа. Сколько раз на этой самой волне он фактически раскрывал дела, добывая информацию, без которой преступника было бы не только не взять за горло, но даже и не обнаружить.

Мариночка затаилась в дальнем углу морга на табуретке. Сидела, поджав ноги и кажется не дышала. Завидев капитана, она тихонько поднесла палец к губам и жестами показала молчать и уходить. Она тоже была знакома с этим вдохновлённым состоянием своего наставника. Паша тихонько отступил назад и вышел. «Как хорошо, что Петрович вернулся. Как же прекрасно.»

Анна ёрзала на стуле, ожидая капитана. Она прекрасно знала, что всерьёз её здесь никто не воспринимал, только лишь вежливо терпели, всё-таки племянница начальника

управления. За спиной, конечно, болтали, ну и ладно. Без дела она здесь не сидела, и многие её исследования и разработки за последний год ожидали своего звёздного часа, а пока ей очень хотелось быть полезной в текущей работе.

Вернулся Кирьянов. Судя по счастливой мордашке тоже не с пустыми руками. Присел ёрзать на соседний стул. Так и застал их вернувшийся капитан: – Прямо Шерочка с Машерочкой! – улыбнулся он. – Докладывайте, что узнали?

– Товарищ капитан! – начала Анна. – Егерь говорит, что погибших зверей с вырванным горлом и обескровленных не было, но в соседних районах были нападения на людей, по слухам, похожие на наши. Это он от других егерей в частных разговорах слышал. Утверждать наверняка не берётся. Может запросить у коллег сведения?

– Запроси, Анна, срочно запроси! Что у тебя, Кирьянов?

– Свидетельницу нашёл! Случайно. Мамочка молодая с ребёнком вчера прогуливалась в парке. Сегодня тоже была. Парнишку нашего видела, навстречу ей по тропинке шёл, что озеро огибает. Носом в книгу уткнулся. Голову поднял, когда она в него чуть не врезалась, так и запомнила. Двигался в сторону аллеи, а она на выход торопилась. Послышалось ей в кустах рычание, испугалась, малыша подхватила и тикать. Часа в четыре это было.

– Значит убили его прямо там, как я и предполагал. Рычание, говоришь? А гулял ли кто с собаками? Или бродячая заглянула? Проверьте камеры на центральном входе. Вчераш-

ний день и сегодняшнее утро, – капитан помолчал, и продолжил: – Молодец, Андрей! Ценная свидетельница, и вовсе не случайно. Случайностей в нашем деле не бывает. Но неужели никто не видел и не слышал? И что с девушкой на фото? Есть информация?

– Нет пока, Павел Аркадьевич. Но я ищу! На счёт «не видел» не могу сказать, но вот не слышали точно. По её словам подростки на аллее музыку врубили на полную, когда она уходила, даже от озера слышно было.

– Ищи, Кирьянов, ищи. И подростков этих ищи. Убийца, кем бы он ни был, не по воздуху улетел, а значит видеть его тоже могли. И пусть фотографии пришлют мне все снимки с первых двух убийств, даже те, которые они забраковали, и всю информацию, которая есть на первые две жертвы собери в один файл. Ждём экспертизу, мне звонить безотлагательно, если поступит новая информация, Анна, помогите Андрею с поисками в парке, на сегодня свободны!

Отпустив молодёжь, капитан посмотрел на часы. Неплохо было бы перекусить. С утра только кофе успел выпить. Да ещё сон этот аппетит раздражил. Накинув пальто и взяв трость он медленно вышел из управления.

Напротив, через дорогу, расположилось небольшое, но вполне приличное заведение с забавным названием «Семь гномов».

Примечательным было то, что обслуживали посетителей карлики. Готовили они же, и шуточная самоирония владель-

цев, а так же простая, вкусная без всяких изысков еда вызвала у Павла глубокое расположение. Прихватив папку со снимками он отправился на обед.

За барной стойкой хозяйничал Григорий, он же владелец «Семи гномов». Завидев Пашу бармен заулыбался. Капитана он чрезвычайно уважал, и всегда держал для него столик.

Было время, когда Григорий опасался, что больше его не увидит в своём заведении, но капитан выстоял после тяжелейшего ранения и вернулся. Не так много людей было в жизни бармена, которым он искренне радовался, и Паша был один из немногих. Симпатия была взаимной, оба это знали.

– Павел Аркадьевич! Весьма рад! Надеюсь вскорости и Василия Игоревича лицезреть! – речь Григория, в отличие от его меню была более чем изысканной и даже немного старомодной.

– И я очень надеюсь. На лечении он пока. Как дела, Григорий? Порадуете хорошими новостями? – поинтересовался Паша.

– Всенепременно. Знаете ли, как часто, разумеется, посмеиваясь и шутя, у меня интересуются, когда же мы обретём Белоснежку в нашем заведении? Так вот. Я её нашёл, – лицо Григория озарила невероятно счастливая улыбка, – давеча, прогуливаясь в парке, я услышал дивный голос, и влекомый своим потрясением пошёл на эти божественные звуки. Какого же было моё удивление, когда я узрел юное дитя, лет 16, поющее на аллее. Родители были поблизости, и я не

преминул с ними познакомиться, чтобы выразить свой глубочайший восторг.

– И в чём же суть, Гриша? – улыбаясь, спросил Паша. Он знал, что драматическая пауза бармена должна предшествовать сенсации.

– В следующем, дорогой мой Павел Аркадьевич. Каждые выходные вечера вы будете иметь исключительную возможность насладиться талантом юного дарования в моём заведении! С родителями согласовано, разрешения получены! – тут же добавил он, и снова засиял неотразимой улыбкой.

– Я обязательно приду! Это действительно хорошая новость, я очень за вас рад. Некая изюминка вашему кафе совершенно не повредит, а лишь наоборот.

– Именно так, именно! Ну а пока, извольте вас накормить: очень рекомендую блюдо дня. На первое солянка, если желаете, на второе молочный поросёнок и рагу из овощей.

– Беру, – засмеялся Паша, вспомнив свой сон, который видимо был в руку, – всё беру! И ваш фирменный чай, Григорий. Очень скучал по нему.

Чаем своим Григорий особенно гордился: семейный и довольно сложный в приготовлении рецепт держался втайне от всех. А сам напиток пользовался бы спросом, но предлагал его Гриша лишь друзьям, и ничуть об этом не сожалел. Не всё в этой жизни нужно выставлять на показ и на продажу.

Пашин столик находился в дальнем углу помещения, и быть случайно замеченным за просмотром материалов след-

ствия он совершенно не опасался, поэтому в ожидании еды спокойно и не таясь открыл папку и начал изучать снимки с мест происшествия.

Первая жертва, Екатерина Зиновьева, была обнаружена по ту сторону «пизанских башен» на берегу озера месяц назад. Раскуроченная одноместная палатка, туристический рюкзак, спальник, котелок: все её вещи говорили о том, что на берегу озера, ловя последние тёплые деньки, она отдыхала.

В её случае «последние» – в буквальном смысле. Снаряжение не новое, как и её туристическая одежда говорили так же о том, что вылазки на природу она совершала и до этого. Следов возле тела было множество, несмотря на удалённость от города зеваки и там всё затоптали.

Увы, сарафанное радио работает быстрее полицейских раций. Пара подростков, обнаружив тело сообщили своим друзьям, те своим, и все они ринулись за новыми ощущениями. Кто-то, правда, додумался сказать родителям, которые и сообщили в полицию. К прибытию криминалистов на место происшествия стадо любопытствующих вытоптало всё напроць. Характер полученных травм свидетельствовал, предположительно, о нападении дикого зверя, но до вскрытия эта версия не являлась основной.

Вторая жертва так же была обнаружена в лесу. Вероятнее всего Витальев Герман пошёл по грибы. Наряд соответствующий: ветровка, джинсы, резиновые сапоги, плюс корзина

с грибами рядом с телом и походный рюкзак с перекусом, запасной одеждой, и, слава богу, документами. Раны такие же, как и на первой жертве. Вырвано горло и обескровлен. Обнаружен через день после наступления смерти таким же грибником, по словам которого опушка эта им, грибникам, хорошо известна, так как богата белыми. Да и в общем места эти грибные, многим знакомы. Если бы не этот факт, лежать бы в лесу погибшему Герману до скончания веков.

Где-то между солянкой и молочным поросёнком Паша заметил некую странность. А точнее: след ботинка 47 размера на всех трёх местах преступления. На втором еле заметен, но очень похож на чёткий отпечаток с третьего места преступления, и на берегу имеется смазанный и притоптанный след, но размер совпадает.

Не веря своим глазам он ещё раз пересмотрел фотографии. «Совпадение? Нечёткость снимков? Срочно перепроверить!» С этими мыслями Павел закончив обед и поспешил обратно в управление, но его остановил звонок Кирьянова:

– Павел Аркадьевич! Есть информация по девушке! На камерах центрального входа в парк видно, как она вышла и села прямо на землю. Истерика с ней случилась, прохожие скорую вызвали, и девушку увезли. Правда, она сильно сопротивлялась!

– Спасибо, Андрей! Работайте дальше!

Дав задание криминалистам предоставить всю информацию по интересующим его отпечаткам Павел отправился вы-

яснять, в какую больницу увезли девушку, и был сильно удивлён, узнав, что в психиатрическую лечебницу.

Ожидая такси у порога управления капитан недоумевал, с каких пор с улицы забирают не в больницу, а в лечебницу. Сев кое-как в машину и пристроив поудобнее покалеченную ногу он отправился навестить девушку. Здание городской психиатрической лечебницы выглядело таким же унылым, как и её название. Люди, проходившие здесь лечение, по мнению Павла, не имели шансов на выздоровление в этих тусклых стенах, и были обречены грустить и страдать.

Представившись на входе и предъявив удостоверение, капитан сообщил, что желает поговорить с поступившей рано утром пациенткой, и показал её фотографию. Дежурная, связавшись с кем-то по телефону, предложила ему следовать за ней и провела в кабинет главврача Соболева Алексея Викторовича.

– В связи с чем вас интересует моя пациентка? – поинтересовался врач, а Павел объяснил ситуацию.

– Так вот в чём дело. Я же всё гадал, что могло спровоцировать такое сильнейшее расстройство. Дело в том, что Кира Юрьевна уже много лет является пациенткой нашей клиники, с детства, если быть точнее.

У неё на глазах погибли родители, и это повлекло за собой необратимые последствия. Мы долго её лечили, и уже было совсем отчаялись помочь девочке, но фармакология на месте не стоит, и новейшие препараты дали таки результат.

Последние четыре года Кира живёт самостоятельной, полноценной жизнью, раз в полгода проходит обследования, и регулярно принимая лекарство она избавилась от симптомов её заболевания. Может не навсегда, но до сегодняшнего дня не было рецидивов.

Я предположил, что она прекратила приём лекарства, но видимо дело в том, что происшествие напомнило ей гибель родителей, чем и вызвано её крайне нестабильное состояние.

Вы говорите, что видели её на месте преступления в парке? Она ходит через этот парк на работу, предположу, что она любопытствовала, что же происходит и увидев тело расклеилась.

– Я бы хотел поговорить с ней, если позволите. Возможно она была знакома с парнем?

– Я бы не рекомендовал с ней беседовать. По крайней мере сейчас. Мы ввели ей сильнейшее успокоительное, и требуется время, чтобы она смирилась с увиденным. Психика Кирры очень хрупка, ваши вопросы могут спровоцировать новый приступ.

– Я всё же настаиваю. Даю слово, что буду осторожен с вопросами.

– Я в корне не согласен, но запретить вам не могу, не так ли? Следуйте за мной, – всем своим видом седой врач демонстрировал полное неприятие, чем сильно раздражал капитана.

Кира давно проснулась, но открывать глаза не спешила.

Видеть эти ненавистные стены девушке не хотелось. Страх змейкой пробежал по позвонкам: её ведь не оставят снова здесь? Она не сможет, больше не вынесет.

Да, она сумела обмануть врачей, да и себя заодно, но ведь свобода жить собственной жизнью дорогого стоила. А теперь она вернулась. И снова видела следы, снова почуяла запах.

Мысленно проклиная эти галлюцинации, такие реальные, такие пугающие, она размышляла о своём положении: её, по всем показателям здоровый мозг издевался над ней и не отпускал в нормальную жизнь, о которой она так мечтала.

У неё никогда не было друзей, не было школьных приключений: в интернате её сторонились, обзывали психичкой – шизофреничкой. Да и находилась она в интернате реже, чем в лечебнице.

Кира не была влюблена и не ходила в кино. Не ела мороженное с подружками и не обсуждала наряды знаменитостей. Ничего не было из того, что есть в жизни обыкновенной девочки. Её действительность была совсем другой: с психами и лекарствами, бесконечными обследованиями и галлюцинациями, серыми стенами, страхом и воспоминаниями.

В девятнадцать девушка впервые побывала в кафе. Впервые пробовала кофе и булочку с корицей. Корица напомнила ей родителей: может мама пекла? Впервые самостоятельно шла по улице и проехала в автобусе, совершила покупку в магазине. Это было так восхитительно, и так страшно. Она не привыкла видеть так много людей сразу, многого не по-

нимала и терялась от обыденных ситуаций. Правда, доктор пытался ей помочь, но всё-равно было очень трудно.

А потом она оказалась в парке и полюбила его мгновенно. Такая дивная природа, так спокойно, ухоженно и светло. Здесь можно было жить не спеша, и дышать не спеша. Созерцать и молчать. И улыбаться. Впервые она улыбнулась в этом парке какому-то смешному малышу. И это тоже было восхитительно – улыбаться.

И теперь она не хотела, не могла вернуться снова в эти безжизненные стены. Только не сейчас, когда она почувствовала, что есть другая, удивительная и прекрасная жизнь с её маленькими радостями и приятными мелочами.

Алексей Викторович вошёл в палату. Она притворилась всё ещё спящей. Говорить не хотелось. Ей необходимо подумать, как всё объяснить, чтобы не остаться здесь, а вернуться к своей жизни. Хорошенько подумать.

– Как видите, Кира Юрьевна ещё под воздействием препарата. Приходите завтра, возможно это даже лучше. – сказал профессор, не скрывая своего удовлетворения, и проводил капитана на выход.

Ну что же, он придёт. Возможно эта ниточка никуда и не ведёт, но поговорить с девушкой необходимо. Что-то чуял капитан, но самому себе не мог объяснить, что именно.

Вернувшись в управление он первым делом пошёл трести криминалистов. Да, с вероятностью 80% следы на всех трёх местах преступления принадлежали одним и тем же ботин-

кам. Возможно на гладкой кожаной подошве с причудливым узором, от которого запечатлелись пара фрагментов.

Интересная картина выходила по мнению Павла. Некий мужчина с большим размером ноги присутствовал и в парке, и на озере, и даже в лесу. «В лесу в ботинках? Убийца или свидетель? Кто же ты, чёрт возьми?» – размышлял капитан.

Посмотрел на часы. Семь. В шесть его ждал доктор, очередная капельница. Пропустил, да и ладно. Всё–равно нет толка от них. Даже не обезболивает уже. Привык организм, не реагирует на лекарство. Одно хорошо, что ногу не отняли, а собирались. Очень хотелось лечь и вытянуть многострадальную в горизонт. Натрудил её сегодня безмерно.

Прихватив материалы по делу Паша собрался уходить. Заглянул в морг. Петрович работал, Мариночка всё–так же сидела на табуретке. Показав Марине на телефон, и дождавшись от неё понимающего кивка капитан уехал домой.

Проезжая мимо торгового центра вспомнил о дне рождения Петровича. Завтра. «А ведь чуть не забыл!» – укорил себя Павел и побрёл, волоча ногу, выбирать подарок. Делать это он не любил, потому что не умел. Всегда терялся в многообразии товаров и опасался подарить не нужную и не интересную вещь.

Бродя среди бесчисленных отделов Павел поражался тому, сколько всего бесполезного предлагается людям. И что примечательно – люди убеждены в необходимости этогохлама.

Разозлившись и окончательно обессилив от бессмысленности этого хождения капитан присел на один из диванчиков, которыми был заставлен вестибюль торгового центра.

Через некоторое время рядом примостился мальчишка. Худенький, в более чем скромной одежде и сильно поношенной обуви. Видок у него был «обнять и плакать». И очень знакомое лицо.

Стараясь вспомнить, откуда паренёк ему знаком Павел быстро достал телефон и полистал полицейские сводки за последние сутки: так и есть, бегунок. Захаров Максим Юрьевич, 12 лет... далее приметы и фотография. Не вернулся после школы вчера, в ночи мать подавала заявление в розыск. Отец пьющий, мать сутками на работе, паренёк предоставлен сам себе.

Сообщив местонахождение мальчика, Павел остался на месте дожидаться бригаду. Парнишка тем временем провожал голодными глазами парочки, спускавшиеся с фуд-кортов.

– Слышишь, паренёк! Не поможешь мне? – обратился вдруг Павел к мальчишке.

– Могу. А что надо-то? – ребёнок немного напрягся, но тем не менее ответил.

– Да я бы перекусил чего-нибудь, но сил нет наверх топать. Сгоняй за едой, я денег дам. Вместе и поедим, – Павел выглядел совершенно равнодушным, стараясь не показывать своей заботы. Дети очень ранимы, а дети из неблагопо-

лучных семей ещё и очень горды. Не задеть бы гордость эту.

— А не боитесь, что сбегу? — мальчик чуть расслабился и покосился на трость.

— Так если ты сбежишь, это ведь будет значит, что ты плохой человек, а не я. Мне-то чего бояться? — усмехнулся Паша, давая понять, что ему всё-равно.

— Я не сбегу! — насупился парень. Плохим быть не хотелось.

— А я тебе верю! Ну так сходишь? — мальчишка, схватив деньги, побежал на верх.

Вскоре он вернулся с бумажным пакетом и сдачей, и с надеждой уставился на Пашу. Павел поставил открытый пакет с бутербродами и жареной картошкой между ними искомандовал «налетать!» Дважды парнишку просить не пришлось.

Капитану перепал один бутерброд с ветчиной и парочка картошинок. Остальное счастливо умял паренёк. Тут и бригада подросла. Но сытый мальчик был не так уж и против.

Первую ночь он провёл у одноклассника, а куда сегодня податься — не знал. И самому в дом явиться гордость не позволяла. Он же вроде как протестует. А так всё гладко вышло: как будто его насильно вернули.

«Только бы бати дома не было. Сдох бы он уже где-нибудь от своей пьянки, им бы с мамкой лучше жилось. Хоть бы не битые ходили!» — думал мальчик, покидая торговый центр в сопровождении грозных полицейских.

А Павел всё-таки направился домой. Здесь он ничего не

высмотрел, устал ещё больше и разозлился, но зато появилась идея. А реализовать её можно и из дома.

Глава 3

Утро наступило слишком быстро. Долго не мог уснуть, копался в полицейских файлах с домашнего ноутбука, пытаюсь найти информацию о родителях Киры, но не нашёл ничего. Да и Самойлова Кира Юрьевна появилась только лишь в пятилетнем возрасте. Ни единой записи о родственниках, кто она, откуда и совершенно ничего о родителях. Очень это выглядело странно в глазах капитана. «Может не там ищет?»

В итоге отправился спать, решив поручить поиск Андрею или Анне, но и уснуть толком не мог, боли мучили всю ночь, отдохнуть не удалось ни капли, и мысли покоя не давали.

По имеющимся сведениям, пока ещё скрупулёзным, этих троих жертв ничего не связывало, но убиты были одинаково. Как всегда в начале следствия, вопросов множество, ответов ноль. Но он найдёт ответы, всегда находит, а сейчас и Петрович с ним, вместе они та ещё команда.

Растирая ногу Паша добрёл до кухни и сварил себе кофе. Пять утра на часах. Принял душ, побрился, оделся, сварил ещё кофе и приготовил нехитрый завтрак на одного.

На глаза попалась фотография. Они с Ларисой на море. Не смог выбросить, рука не поднималась. Он понял наконец, после долгих размышлений, разрывающих душу на части, что для неё этот брак был очередным проектом, одним из многих, которыми она занималась. И не очень успешным,

раз ушла. Но для него это был выбор, семья. Любил он её сильно. Не срослось. И этот удар был сильнее переломанной ноги.

Шесть утра. Сварил кофе для термоса и вызвал такси. Мататься дома не дело. Вдруг его отчет Серёгин уже поджидает. В семь утра капитан входил в управление.

Из-под двери его кабинета проглядывала полоска света и кажется струился дымок. Рывком открыв дверь он приготовился вмазать хорошенько тому, кто посмел покуситься на его пространство, и увидел Петровича, задымившего весь кабинет сигаретами. Патологоанатом поднял покрасневшие от бессонной ночи глаза на вошедшего и выдавил кривую улыбку.

– Мы, Паша, влипли. Очень здорово влипли мы, Паша. Кофе есть? – сообщил он и с надеждой уставился на Павла.

Паша молча достал термос и налил кружку Петровичу. – Рассказывай!

– Во-первых, Паша, орудие убийства определённо зубы. Вне всяких сомнений, но, – Петрович выдержал небольшую паузу, – эти зубы в два ряда. Я несколько раз проверил. На всех трёх жертвах одинаково. В два ряда, Паша. Я не знаю такого зверья. Мы с Мариночкой гипс залили, сделаем слепок, чтобы наглядно показать. Мощные, клыкастые, двурядные челюсти.

Петрович снова закурил. Его обескураженный вид производил сильное впечатление и Павел внимательно слушал. А

тот прихлёбывая кофе продолжил: – Следы жидкости, которую мы собрали в парке – это слюна. На больший процент слюна животного.

– А на меньший? – уточнил капитан.

– Я боюсь ошибиться. Но ДНК мы изучим тщательно. Только Паша помнишь эту скалу проклятую, и химию неопознанную? Слюна содержит кое–какие элементы из тех, что были там обнаружены.

– С чего ты взял? Все образцы изъяли ещё год назад.

Петрович опустил глаза в пол: – Ну не все изъяли, я кое–что припас.

– Господи, Серёга! На тебя всегда можно было положиться! – радостно воскликнул Паша, – и что? Схожи образцы?

– Схожи. Следы этой слюны есть на телах всех трёх жертв, аналогов её среди известных науке животных нет. Я проверяю ещё, но пока ничего не нашёл. Даже среди самых экзотических. Но это слюна, какой бы невероятной она не была. На счёт крови. Её реально высосали. Из каждого. Ну или выкачали. Было определённое давление. У всех троих. И ещё. Есть одна деталь, которая объединяет таки все три жертвы. Перед смертью каждый из них пил кофе.

– Интересные вещи ты рассказываешь. У нас генетический мутант, ненавидящий кофе? – Павел присел рядом с Петровичем на диван и откинулся на спинку.

– Кофе с корицей, Паша. Ненавидящий кофе с корицей. Но это тоже не всё. Эта самая слюна превратила их мозг в

желе. Какой–то нейротоксин содержит. Изучаю ещё. Но в черепной коробке натуральное желе. Понимаешь? Нет мозга. Отсутствует. Я ещё провожу тесты, и много проведу, но думаю это она. На телах есть следы химических ожогов, в местах, где эта жидкость соприкоснулась с кожей. А мозга нет. – Петрович крутил головой, как будто сам не верил в сказанное.

– А что со следами, Петрович? Следы–то звериные есть? Мы же на месте не нашли ничего, никаких лап, человеческие только.

– А лап нет. Никаких. Ни больших, ни маленьких.

– Так может не зубы, а устройство хитрое, с химотиной этой?

– Да что я по твоему, зубы от устройства не отличу? – с обидой спросил Петрович?

– Да я так, рассуждаю. Пытаюсь. Невероятно всё слишком. Надо к Никодиму с этим идти.

– Надо. Иди. Главный давно ждёт, что какая–нибудь чертовщина к нам в отдел свалится.

– Слушай. Ты поспи вон на диване пару часов, время есть, потом ходим. Потому что ты прав. Надо оперативную группу собирать, мы одни не разгребём. У меня из «ног» только Андрей да Аня. Помощь бы нам, хоть пару человек. Поспи, а я подумаю пока.

– Ты Ваську расскажи. У него тоже голова светлая, а запал ушёл на его инвалидной коляске. Расскажи, может встрях-

нётся. Нам голова его пригодится.

Петрович пристроился на диванчике прямо в Пашином кабинете, а капитан задумался. «Допустим, это зверь. Допустим имеет место генетическая мутация. Допустим из-за неизвестных элементов, вывалившихся из проклятой скалы. Пока сходится. Но при чём здесь кофе? Что за фетиш звериный? Ладно, может зверь так на запах реагирует. Но тогда при чём обувь 47 размера? И где, блин, лапы зверя? Летает? Почему отсутствует информация о Кире и её родителях? И как никто в парке зверя не увидел? Судя по размеру челюстей, который руками обозначил Серёга его нельзя было не заметить. Но слышали... женщина с ребёнком рычание слышали. А Петрович не ошибается. Никогда. Говорит зверь, значит зверь. И Ваську надо рассказать. Васёк очень головастый. И мыслит нестандартно. Заеду к нему сегодня. А вот сейчас и заеду. У них там в санатории подъём ранний.»

Такси остановилось у больших кованых ворот, за которыми скрывалось красивое здание, бывшее до революции особняком местного барина. В советские годы в нем располагался пионерский лагерь, звенел детский смех и кипела жизнь, но во времена перестройки его забросили, а после и вовсе растащили по кусочкам. Здание ветшало, теряло свой исторический облик и потихоньку приходило в негодность, пока его не выкупил у государства какой-то меценат.

Проведя капитальный ремонт и реставрационные работы он неожиданно передал здание здравоохранению под орга-

низацию санатория для ветеранов боевых действий. Поговаривали, что неспроста, что имел этот меценат причастность к боевым действиям, или родственник его, но появился у во-як свой санаторий. Там проходили лечение не только бойцы из горячих точек, но и все, кто получил ранения на воинской и правоохранительной службе. Там же лечился и Васёк, друг и верный напарник Бурана.

Найдя его в столовой за поглощением завтрака, Павел молча присел рядом. Севастьянов Василий Игоревич неторопливо доел неизвестную науке жижу, попросил два кофе у официанта, забравшего тарелку, и, наконец, взглянул на капитана.

– Попали мы в переделку, да Пашь?

– Попали, Васёк, попали. – и мужчины крепко обнялись.

– С чем пожаловал, Паша? Если меня жалеть и сочувствовать, то проваливай! Без тебя тут ходоклов хватает. – на самом деле Васёк не думал, что Паша его жалеет, они с капитаном многое пережили и до этой трагедии со скалой, и не просто дружили, а братьями стали. От Павла он подвоха и неуважения не ждал, но на всякий случай хорохорился.

– Мне голова твоя нужна, друг. Она не пострадала, надеюсь? А то у нас дело весьма странное нарисовалось, а мозгов хороших не хватает. – тонко обошёл скользкую тему Павел. Знал, что друг его тот ещё гордец, и о своём нынешнем бездвижии больше всего переживает, хоть и виду не подаёт. Он протянул Ваську отчёт Петровича.

– О как! Петрович в строю! Радует, – улыбнулся Васёк и углубился в изучение отчёта. По мере того, как продвигалось чтение с Васьком происходило немыслимое. Он побелел лицом, на лбу выступили капли пота. Руки, держащие папку задрожали. Сказать, что Паша был ошарашен, ничего не сказать. Василий поднял на капитана глаза и нервно прошептал: – Бери ключ, иди в номер, возьми мне куртку и плед. На улице поговорим.

Павел, как мог быстро, принёс всё, и ещё шарф прихватил, помог другу утеплиться и покатил инвалидное кресло на улицу. Двигались они в полном молчании, Васёк заметно нервничал, Паша недоумевал.

Оказавшись довольно далеко от редких гуляющих в этот утренний час, Васёк заозирался, убедился, что поблизости ни души и заговорил: – Тут такое дело, Пашка, не знаю как и сказать. Я его видел!

– В смысле видел? – не понял Паша.

– В прямом. То, что описал Петрович в отчёте. Массивные челюсти с клыками в два ряда. Видел я его, уродца этого. Я, Пашка, никому не говорил, думал глюки у меня, мы же тогда сутками напролёт не спали, понимаешь? Стыдно было признаться, да и кто бы поверил. Я сам себе с трудом верю.

Мы на скале работали, она трещала по швам, куски валились, а там в глубине люди кричали, которых завалило. Я, как и ты, разгребал, как мог, почти добрался. Там дыра в скале, как пещера. То ли была она, то ли из-за взрыва по-

явилась, не знаю, но я близко подобрался, голоса за камнями уже слышал.

И тут он на меня выскочил с челюстями распахнутыми. Откуда взялся, чёрт его знает. Не было рядом никого. Но челюсти эти забыть не могу, Пашь, жуть берёт до сих пор. Рефлексы не подвели, я отскочил, а то бы он мне башку отгрыз. Но оступился и скатился вниз, переломался весь, а сверху ещё и кусок скалы упал. Вот результат. – Васёк развел руки в стороны, ладонями показывая на обездвиженные ноги, и продолжил: – Помню, как зубы клацнули, порадовался на мгновение, что хрен тебе, а не моя башка. Но всё это время я старательно себя убеждал, что привиделось. Хотя я и не гений зоологии, но мне известно что зверей с такой огромной челюстью и двойным рядом зубов не бывает. Да и не зверь это, Паша. Тело не звериное. Человеческое оно. Вот и думал, что глюки. От усталости. Или надышались чем, тоже ведь могло сказаться. Вонь там в скале стояла адовая. А ты мне отчёт этот. Чёртов этот отчёт!

Васёк, с силой сжав подлокотники кресла, замолчал. Паша пытался осмыслить услышанное. Ваську он верил безоговорочно. Видел тот, что описал, хоть и убеждал себя в обратном всё это время. Но тогда единственное предположение Паши о возможной мутации после взрыва разбивалось вдребезги. Что за ерунда у них выходит? Чем дальше, тем интереснее.

– Знаешь, дружище. Я пожалуй засиделся в санатории, на-

лечился, будь здоров. Ты в цоколе ещё сидишь?

– В цоколе, Васёк.

– Там по коридорам, если дальше пройти, есть черный ход. Дверь прямо на улицу. Пандус мне организуешь? Или меня не ждут уже?

– Ещё как ждут! Сегодня с Никодимом говорить буду, о пандусе договорюсь. А ты откуда про черный ход знаешь?

– Видишь ли, Пашка, – хитро протянул Василий, – любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь, – пропел он строчки старой песни.

Паша засмеялся. Он видел перед собой старого Васька, хитрюгу и ловеласа, и был необычайно рад тому, что его друг скоро будет в строю. Конечно, придётся приспособиться к его новой жизни в инвалидном кресле, но они справятся.

Главное, что острый ум, наблюдательность и надёжность никуда не делись. Паша не признавался себе, но старых друзей Петровича и Васька ему дико не хватало, когда жизнь его разваливаться начала. Он еле справлялся, но и их разметало круто, и размазало. Ничего. Они втроём старой закалки и крутого теста. Справятся. Лишь бы живы были.

Вернувшись в управление, он заглянул к себе. Петрович посапывал на его диване. Ладно, пусть спит, он и один поговорит с начальником. Поднимаясь на этаж к начальству, он притормозил у двери с табличкой «Никодимов Дмитрий Дмитриевич. Начальник управления уголовного розыска».

За дверью бушевал Никодим. Судя по отдельным словам

«вампиры» и «идиоты» отчитывал он от души Дениса Смирнова с его напарником Лёшей Ивановым. Постучав, Паша вошёл в кабинет.

– Можно, Дим Димыч? Я по важному делу.

– Входи. У тебя не важных не бывает, – улыбнулся седовласый, всё ещё подтянутый полковник, – а вы двое шутников, ждите за дверью, я не закончил.

Дождавшись, пока нашкодившие опера выйдут, он обратился к вошедшему капитану: – Рассказывай!

– Вы прочтите отчёт, а после всё расскажу, – сказал Павел, протягивая папку. По мере прочтения выражение лица Никодима менялось с беспристрастного на весьма заинтересованное. Паша дополнил отчет рассказом Васька, а так же некоторыми деталями, которые могут быть важны, про Киру и ботинки. Может и пустое, может и нет.

– А Петрович–то молодец. Припрятал образцы, да? Я в нём не сомневался. И что ты думаешь, Паша?

– Вначале, как Петрович отчёт принёс, думал, может мутация какая после взрыва произошла. Но после разговора с Васьком не знаю, что думать. Тварь эта во время взрыва уже существовала. Возможно, где–то в недрах скалы, и вылезла, как скала трещины дала. Но что наиболее вероятно, так это то, что она снова проявится. Если вышла в парк, подбирается к людям, то есть опасность ещё одного нападения. Плюс к этому Васёк описывает тело человеческое, а мы на местах преступления следы обуви обнаружили, большой

размер, везде одинаковые. Мне, Дим Димыч, оперативную группу надо собрать. Я один не набегаяю. Васёк вернётся со дня на день, но и он не бегун, и стажёр у меня есть. Вот и весь комплект. Ещё бы парочку оперов. Ног очень не хватает.

— А я дам! Дам тебе парочку! Есть у меня орлы, как раз к тебе в отдел, — полковник распахнул дверь кабинета, чуть не прибив подслушивающего Дениса, — вот они. Забирай в команду!

— Нет, пожалуйста, не надо! Мы же не охотники за привидениями! — завопил Денис.

— Конечно нет. Вы охотники за вампирами! — провозгласил полковник и заржал, а после добавил, — собирайте манатки и переезжайте в цоколь, под командование Бурана. Неразглашение там же подпишите. Выполнять!

Матерящиеся оперативники вышли за дверь, а Никодим продолжил: — Ты, Паша, не думай, ребята толковые, балбесы, правда, ещё, но это от избытка гормонов. А дело тебе выпало странное. Но я ждал чего-то подобного, когда спецслужбы понаехали и всё у нас забрали. Кое-что слышал, тут, там, хоть и держали от нас всю информацию в строжайшей секретности. Ждал, потому что у нас произошло, в нашем городе, и нам разгребать, а доверить такую мистику-фантастику никому, кроме тебя не могу. Ты, капитан, шибко умный, мыслишь широко, и что немаловажно, надёжный. Ты ведь думал, списал я тебя, да, Пашь? Нет, друг мой. Придержал, чтобы всмятку вас не размазало от жалости к себе. Если

кто с дерьмом и разберётся, так это ваша троица. Как Васёк, готов наконец?

– Готов. Только на коляске он, надо условия создать, хоть минимальные.

– Создадим. Давно есть договорённости, от тебя отмашки ждал. За выходные всё устроим. И кстати, весь цоколь и подвал твой. Оборудование, какого не хватает, запрашивай, что смогу – найду. И ещё. С этого момента кроме меня и членов опергруппы никто не знает, чем вы заняты и какое расследование ведёте. Как назначишь совещание опергруппы, дай знать. Буду.

– Спасибо! – Павел, хоть и виду не подавал, испытывал сильное потрясение. Он готовился к тому, что придётся доказывать, что Петровичу с пьяных глаз не померещилось, и что Васёк вменяемый и вовсе не тронулся умом от ран своих неизлечимых, а оказалось ждал полковник необычного и странного. Ну что сказать, проницательность его превышала ожидания в разы.

Покинув кабинет Никодима, капитан отправился будить Петровича. Новостей за столь непродолжительное утро набралось множество.

– Во, дела! – прошептал Петрович, выслушав Пашу, – так значит Васёк его видел? Слушай, а может он нам рисунок набросает, а? А Никодим так и сказал, придержал? Я думал, нас из жалости сюда.

– Да и я так думал, Серёга, что из жалости. Но Васёк в по-

недельник уже с нами будет. Надо подготовиться. Мы разные хитроумные дела раскрывали, этого клыкастого тоже найдём. Ты над химией поработай, изучи, что да к чему. Никодим материалами и оборудованием помочь готов. Да, и на счёт оборудования... – Павел достал коробку, доставленную курьером в его отсутствие и протянул Петровичу, – с днюхой, дружище!

– Это мне? – глаза удивлённого Петровича загорелись, – а что там?

– Так открой, – капитан улыбался.

– Ого... микроскоп. Электронный... Пашка, да это же вещь! – восторг Петровича был таким явным, что Паша порадовался. Угодил. – Наслаждайся. Кстати. Сегодня пополнение у нас. Им тоже задание найдётся.

– И кто же это добровольно к нам в подвал попросился? – Петрович был ещё под впечатлением от Пашиного подарка. Дорогая вещь и очень нужная.

– Не совсем добровольно, скорее в наказание вампиров наших к нам на подмогу отправили, – улыбаясь, Паша рассказал всю историю. Петрович хохотал от души, слушая капитана.

– Ладно, дружище. Дел у нас невпроворот, я по своим, ты по своим, а в понедельник совещание проведём со всем тем, что накопили. Надеюсь, тварь эта неведомая до понедельника не проголодается.

Раздался стук в дверь и вошли Смирнов с Ивановым. Ли-

ца недовольные, в руках коробки с барахлом. Наверху слышался дикий хохот, проводили их, видимо, весело и с прибаутками.

– Вы парни, дальше по коридору устраивайтесь, там комната есть, – Паша покопался в ящиках стола и вынул ключ, и протягивая его Денису продолжил, – сегодня постараемся зазвать туда айтишника, компьютеры вам подключат. Порядок сами наводите, всё необходимое для уборки у Анны возьмите. Она скоро будет. Как устроитесь, зайдите, есть задание для вас.

Отпустив будущих коллег Буран прикинул, сколько им времени на уборку потребуется и обустройство, и решил, что успеет навестить Самойлову Киру. Может недостающие детали её биографии удастся выяснить. Вспомнив, что сегодня придут студенты для опознания товарища перепоручил эту процедуру Андрею, и вызвав такси, уехал.

Лечебница встретила оглушающей тишиной. Это было необычно, вчера здесь слышны были разнообразные звуки. Подойдя к стойке неулыбчивого администратора, Павел представился, и сообщил цель визита.

Недовольно и пристально рассмотрев документы взрослая дама с выражением глубочайшего неприятия, в униформе больницы, набрала внутренний номер. Тихо пошептав по телефону, она неожиданно приятным и вовсе не сочетающимся с её внешностью голосом обратилась к капитану: – К сожалению сегодня вы не сможете навестить нашу пациентку.

Её лечащий врач, а так же главврач нашей клиники отсутствует, а без его разрешения я не могу вас пропустить. Приходите в понедельник, в послеобеденные часы. Все утренние процедуры будут закончены, врач будет на месте и сможет вас принять. Он же, если сочтёт нужным, проводит вас к пациентке.

– Почему сегодня здесь так тихо? – спросил Паша.

– Пятница. Многих пациентов, чье состояние не представляет опасности для них самих и окружающих забирают на выходные домой. Эту практику клиника ввела недавно, но она оказывает положительное влияние на лечащихся в ней.

– А Кира Самойлова? Тоже на выходных?

– Она поступила только вчера, даже если бы её было кому забрать – это нецелесообразно и слишком рано. Приходите в понедельник, Алексей Викторович примет вас.

Значит Кира совершенно одинока, размышлял Павел, выходя из лечебницы. Родители, по словам врача, погибли, когда она была ребёнком, и если нет родственников, значит воспитывалась она в интернате. Не всё же время она лежала здесь? Дав себе задание ещё раз просмотреть все файлы, касающиеся Самойловой Киры, он вызвал такси и направился в управление. Решив по дороге купить еды для Петровича, который сутки провёл в своём морге, он остановил машину у «Семи гномов», и вошёл в кафе, оказавшись едва не сбитым выбегаящими посетителями.

У барной стойки с совершенно белым, но невозмутимым

лицом стоял Григорий, а перед ним верзила, покачиваясь и размахивая пистолетом выкрикивал угрозы. На полу, в луже крови от полученного ранения, но ещё живой лежал, зажимая руками рану на животе один из карликов – официантов. Сильно хромая, опираясь на трость Паша подкрадывался сзади, надеясь, что верзила сосредоточил внимание лишь на деньгах, которые вынимал из кассы бармен. Но ведь надо быть полным идиотом, чтобы совершать вооружённое нападение практически напротив управления уголовного розыска. Или наркоманом. У них тоже нет мозга.

Опираясь на здоровую ногу капитан вскинул трость, со всей силы ударил верзилу по руке, выбивая оружие, тот резко обернулся и получил тростью сначала в подбородок, потом между ног, и согнувшись от боли был вырублен сильным ударом по голове сверху. Свалившись на красивый и дорогой мраморный пол он забавно хрюкнул и затих.

Григорий кинулся вызывать скорую для товарища, а Павел тем временем вызвал оперов, чтобы составили протокол и забрали преступника. Покончив с формальностями, он подошёл к Грише, справиться об официанте.

– По мнению фельдшеров скорой помощи рана не смертельна, но я всё же сильно волнуюсь, Павел Аркадьевич! Это всё немыслимый стресс для нас. Мы, признаться, втайне надеялись быть в безопасности, учитывая место нашего расположения.

– Не волнуйтесь, Григорий! Организм молодой и крепкий

у вашего парнишки. Преступникам нет разницы, где совершать нападение. Но мы справились, – и Павел улыбнулся.

– Ох, благодарствую, Павел Аркадьевич, вы не только ему жизнь спасли своим вмешательством, но и мне. Ведь неизвестно, как бы поступил этот невменяемый, получив деньги. Вероятнее всего, убил бы нас, – руки бармена дрожали, испуг его не отпускал, хотя он во время нападения держался более чем достойно.

– Всё обошлось, Гриша! Всё обошлось. Послушайте, не к месту может, но у меня Петрович сутки не ел, найдётся с собой для него обед? – Паша надеялся, что привычная суета Гришу отвлечёт и поможет собраться. Так и вышло. Григорий тут же распрямил плечи, и начал отдавать распоряжения на кухню. У капитана зазвонил телефон, Кирьянов сообщил, что есть информация, и что он в скором времени будет в отделе. Паша попрощался с барменом, договорившись, что еду для Петровича занесёт один из сотрудников кафе, и покинул заведение.

Андрей подждал капитана у дверей кабинета, недоумевая, почему по коридору с ведром и тряпкой пробежал Смирнов, а напарник его Лёша с мусорным пакетом и какими-то драными коробками поспешил из запертой ранее комнатухи во двор к помойкам.

Неужели такое наказание им Никодим назначил? Забавно. Они точно этот урок не забудут. Как бы их отдел не назывался, и какой бы смысл не имел, но насмехаться так от-

крыто над коллегами, которые при спасении чужих жизней пострадали некрасиво, не по мужски как-то. Поделом, хоть оба явно недовольны. Конечно, старый, забытый прежними поколениями хлам разбирать удовольствия мало.

Завидев Бурана, стажёр приосанился. Устал он, конечно, бегать, но доволен был чрезвычайно. Лучше так, чем в старых делах копать.

– Докладывай, Андрей! Что разузнал?

– Немного, Павел Аркадьевич! Подростков я нашёл, они там в парке частенько после школы тусуются, и сегодня были. Только не видели ничего и не слышали. Об убийстве Петрова узнали из новостей. Никаких крупных собак, бездомных или диких животных в парке ни разу не встречали. С ботиночками дело так обстоит. В нашем Старославянске нет мастерских, которые обувь на заказ изготавливают, была одна в старом центре, но закрылась давно. В ремонтной мастерской по соседству мне сказали, что у мастера этого был ученик, и обувь они делали очень дорогую и качественную, из хорошей кожи. Но мастера не стало, об ученике его тоже никто и ничего давно не слышал, может и работает он в частном порядке на дому, только вот найти его не просто будет.

– А кто у нас в городе выделкой занимается? Найди-ка предприятие, ведь был какой-то заводик, и узнай, кто у них закупает кожу хорошей выделки небольшими партиями. Может там выстрелит? А ещё у нас производство сумок и рюкзаков есть. Уточни, они сами кожу выделывают, если нет, где

берут. Там тоже поищи. Если у мастера был ученик и толковый, то не бросил он дело, где-то сидит и заказы выполняет. Ему нужны материалы, – Павел посмотрел на часы, – твоё задание – найти ботинки. Этим и занимайся. Четыре уже, на опоздание приходили студенты?

– Нет, товарищ капитан, должны скоро подойти, учёба у них.

– Закончишь с ними и до понедельника свободен. Если по ботинкам раньше найдёшь информацию, сразу звони. А, будешь уходить – Смирнова ко мне позови.

– А надолго к нам Смирнов с Лёшей?

– Теперь навсегда, Андрей, – улыбнулся Паша и уткнулся в компьютер.

Через некоторое время за дверью в коридоре послышался топот и улюлюканье. Буран выглянул и обомлел: трое работников из «Семи гномов» несли пакеты с коробками, из которых доносился вкуснейший аромат еды. Шли целенаправленно к кабинету капитана, а за ними толкаясь и хихикая тянулись опера из убойного.

– Глядите-ка, Смирнов повышение отмечает! – смеялись они, и бодро тянулись на запах.

Капитан пропустил официантов в кабинет, и улыбаясь, захлопнул дверь перед носом шутников. Расставив пакеты на столе, они передали привет от Григория, вручили термос с горячим и любимым чаем специально для капитана, категорически отказались принять оплату, и откланялись. Паша

только развёл руками. Позвал Андрея, Анну, позвонил Петровичу, велел тому прихватить Марину и зайти к нему. Когда они все явились, в кабинете Павла пахло, как в дорогом ресторане. Объяснив вкратце, откуда эти прекрасные дары, Буран предложил всем поест от души и закончить, наконец, этот день. В разгар трапезы явился Смирнов. Понурые плечи и несчастный вид вызвали у всех улыбку.

– Денис, вы закончили в кабинете?

– Если эту, захламлённую с прошлого века кладовку вы называете кабинетом, то да, как раз закончили. Целый день на неё убили.

– Ну уж что Бог послал, Денис, – хитро улыбаясь провозгласил капитан, – гробов, у нас, знаешь ли нет!

Все засмеялись, а Денис насупился, понял, что шутку про вампиров припоминать ему ещё долго будут.

– Компьютеры установили, подключили?

– Так точно. Всё заработало.

– Вот и отлично. Есть для вас с напарником пара заданий. Во–первых, возьмите себе еды!

При этих словах Денис оживился и сглотнул голодную слюну. За целый день поест не удалось, а здесь такие ароматы витали.

– Вот спасибо, Павел Аркадьевич! Есть охота, сил нет, – Денис тут же выглянул из кабинета и позвал Лёшу Иванова.

– Во–вторых, когда закончите трапезничать, изучите эту папку. В ней сведения об одной, интересующей следствие

особе. В полицейских файлах нужной информации я не нашёл, а вы найдите. Ищите в соседних районах, соседних областях, но сложите мне два плюс два. В её недолгой биографии полно пробелов. Устраните их.

— А теперь о главном. В понедельник возвращается Васёк. За выходные в помещении будут выполнены некоторые работы, чтобы он мог функционировать здесь полноценно, не смотря на инвалидное кресло. Вход в наш цоколь будет перенесён туда, где дверь черного хода. Замок закодируют. Дверь, сообщающаяся с управлением будет закрыта. Войти и выйти сюда смогут только члены оперативной группы, они же сотрудники отдела. Понимаю, что есть вопросы, но совещание проведем в понедельник. До понедельника постарайтесь выполнить поручения. И ещё. Подписанный вами документ о неразглашении вступил в силу. И это крайне важно.

Глава 4

Зная, что бюджет не увеличивали, а наоборот урезали, Павел недоумевал, откуда Никодим, их шеф и отец—основатель непонятного и таинственного отдела, который, видимо, вскорости оправдает своё название, изыскал средства на реорганизацию рабочего пространства.

Но выходные капитан провёл, контролирую процесс ремонта и благоустройства их помещения. Работы велись скоропалительно, буквально на глазах помещение преображалось, которое, кстати сказать, оказалось значительно больше, чем представлял Паша.

Он думал, что владеет парочкой кабинетов вдоль небольшого коридора, а на деле за одной из дверей нашлись ещё коридоры и комнаты, часть которых была переоборудована в конференц—зал для совещаний, часть под камеры для задержанных, назначение прочих он даже узнавать не хотел.

Было ощущение, что не всё ему известно, но вот то, что Петрович обрёл целую лабораторию для своих изысканий, оборудованную по последнему слову техники его порадовало. Исчезли лесенки и ступеньки, полы приобрели совершенно ровную поверхность и Ваську здесь гонять можно было, как на ледовой арене. Ни сучка, ни задоринки.

Денис Смирнов, который, к слову сказать, имел диплом политехнического института, полученный перед поступле-

нием на службу в полицию, носился по новым коридорам как весёлый щенок, высунув язык за плечи, и вникал во все технические нюансы, кодировал ключи, замки, и помогал с установкой дверей, перегородок, экранов и компьютеров. Сейчас ему было наплевать, придётся ли ему охотиться на привидения, если он будет иметь дело с таким оборудованием.

Анна тоже не дремала на выходных и занималась кабинетом, оснастив его, одной ей ведомыми приборами и датчиками, непонятно откуда взявшимся.

Петрович с Мариночкой вовсю колдовали в новой лаборатории, и переносили из старого, общего с уголовкой помещения свои сокровища. Судя по их количеству кое-что хранилось у Петровича дома. Чему Паша вовсе не удивился.

Кириянов и Иванов взяли на себя организацию архива, и комнаты для хранения улик. Оборудование для улик было совершенно фантастическим. На каждом из контейнеров установленные датчики измеряли вообще всё, включая уровень радиации. Как дети малые они прыгали возле контейнеров, укладывая в них поочерёдно всё, что попадалось им на глаза.

Когда у новых дверей появился бронированный автомобиль, напичканный всевозможной техникой, в которой ещё следовало разобраться, вмещающий их всех, и даже Васька с его креслом, для чего была приспособлена специальная подножка, коллеги аплодировали стоя. Шофёром тут же назначили Иванова, так как он до службы занимался автомобиль-

ным спортом и участвовал в ралли.

Буран видел, что его отдел воодушевился, несмотря на то, что коллеги не обладали всей информацией, которой владели они с Петровичем и Васьком, но все рассуждали одинаково: если в них столько вложено, значит кому-то это нужно. Нехитрая логика плюс новые игрушки вызывали восторг у всех членов опергруппы. Они трудились в свои выходные. И очень ждали понедельника.

В рабочее утро в отделе творилась неразбериха. Там суетливо заканчивали начатое в выходные, разбирались со своими кодированными ключами, осваивали новые компьютеры и прочее оборудование.

Андрей занялся поиском мастера, Денис с напарником собирали по крохам информацию о Самойловой, Анна торопила районных коллег с отчётами, Петрович корпел над своими колбами в лаборатории, а Паша вышел встречать Васька. Краем глаза заметил ремонтные работы на той стороне дороги у кафе «Семь гномов».

Сначала решил, что из соображений безопасности Гриша старается, но потом понял, что именно происходит, и на душе потеплело. Григорий оборудовал пандус при входе. Ох, дружище. Прознал, что Васёк возвращается. Радость и глубокое уважение затопили сердце капитана. Вот ведь человечие!

Такси остановилось прямо у дверей управления. Водитель, увидев что встречающий сам с тростью, помог достать

коляску и пересесть в неё Ваську. Паша, покати́л друга во двор, где и располагался их новый вход в отдел, и вручил тому ключ карту. Оказавшись внутри помещения Васёк оторопел.

– Пашка, я же просто пандус попросил, – потрясённо произнёс он, – а ты ремонт сделал?

– Так ведь для друга ничего не жалко, да Васёк? – заулыбался Паша, видя такую реакцию. Они–то всем отделом уже успели переварить стремительные перемены. Из–за угла показался Петрович.

– Васёк! Наконец–то! – воскликнул он, и подошёл обнять товарища, в руке держа колбу с голубой жидкостью.

– Это не опасная штука? – показывая на колбу, спросил Паша.

Петрович отпил из неё, улыбнулся во весь рот, и сообщил: – Нет. Это вроде энергетика, я сам изобрёл! Как, по–вашему я здесь сутками торчу?

Мужики обменялись хитрыми взглядами. Ну Петрович же, что с него взять. Гений химии и судмедэкспертизы.

– Ладно, дружище, осваивайся, Петрович тебе всё покажет, а мне надо на встречу одну съездить, после проведём совещание, суммируем всё, что удалось раскопать. И будем думать.

Подъезжая к лечебнице, Павел ещё раз в уме прогнал вопросы, которые собирался задать Самойловой Кире. Помня предостережение врача о погибших родителях, решил эту

тему пока не затрагивать, дожидаться информации от Смирнова, может и не придётся девушку травмировать напоминанием.

Предъявив удостоверение, он в сопровождении дежурного администратора прошёл уже знакомым коридором и поприветствовал главврача. Тот укорил капитана за ранний приход, но проводил в палату Самойловой.

Девушка сидела на койке спиной к вошедшим. «Хрупкая, тоненькая вся, плечи опущены», – отметил про себя Павел, прошёл вперёд и повернулся к Кире лицом. Взгляд больших, необычного, фиолетового оттенка глаз пронзил Пашу насквозь. Таких красивых он даже в кино не встречал. Сморгнув некоторое потрясение, он принял невозмутимый вид и поздоровался.

– Кира Юрьевна! Капитан Буран Павел Аркадьевич желает задать вам несколько вопросов, если желаете, я могу остаться, – заявил Алексей Викторович, несколько поспешно, как показалось Павлу. Дав себе мысленное задание покопаться в файлах врача, он снова посмотрел на Киру.

– Нет необходимости, Алексей Викторович, я в состоянии побеседовать с капитаном, – мелодичный голосок девушки, был на удивление твёрдым, и вовсе не испуганным, как её внешний вид. Хорошо держится.

– Как пожелаете, я буду у себя в кабинете, если понадобится! – и снова Павлу послышалось неудовольствие. Звоночек. Не намеренно ли врач препятствовал его беседе с Са-

мойловой?

– Кира Юрьевна! Я видел вас на месте происшествия в парке. Хотел поговорить сразу, но вы уже ушли, – сказал Павел, когда за врачом закрылась дверь.

– Да, я нехорошо себя чувствовала. Это печальное событие застало меня врасплох.

– Что вы делали в парке в такой ранний час?

– Там часть моей работы. В дальнем углу парка есть оранжерея, если вы знаете. А я работаю ландшафтным дизайнером. Звучит, конечно, круто, – невесело усмехнулась Кира, – но по факту я обустроиваю дачные территории. Небольшие участки земли нынешние современные владельцы не всегда хотят отдать под грядки, наоборот, стараются облагородить и создать себе красоту и эстетику, насколько позволяет земля. Для этого требуются растения. Их беру в оранжерее. Многие. Я там частый гость.

– Были ли вы знакомы с потерпевшим? Я видел, что вы плакали, и были очень огорчены.

– Нет, я его не знала. Просто это происшествие всколыхнуло другие воспоминания неожиданно для меня самой. Я ведь практически ничего не помню о событиях, которые предшествовали моему попаданию в больницу и интернат в раннем детстве. Так, отрывками. Причём не уверена в их правдивости, – грустно добавила она.

– Дело в том, что Петров Игорь был студентом лесотехнической академии, и по долгу учёбы так же мог посещать

парк и оранжерею.

– Возможно. Но я, знаете ли, практически ни с кем не общаюсь и не завожу знакомств, жизнь в этом заведении не способствует развитию подобного стремления. В оранжерее много людей, и действительно, бывают студенты. Но никого из них не знаю, увы.

– Ну что же, я очень вам благодарен, что согласились поговорить. Конечно, помня ваше состояние в парке я втайне надеялся, что вы сумеете пролить свет на детали происшествия, но не предполагал, что оно связано с личной трагедией. Прошу меня извинить, но такая уж у нас работа.

– Мне жаль, что я не смогла вам ничем помочь, – в глазах девушки на мгновение мелькнул страх, – у меня нет нужной вам информации.

– Поправляйтесь, Кира Юрьевна! Всего вам наилучшего. – Буран выскочил из палаты так резво, как позволила покалеченная нога. Эта девушка вызывала в нём совершенно непонятное желание, обнять, погладить по голове, спрятать от всех горестей. Защитить одним словом. А глаза эти, невозможные. «Непрофессионально, Паша!» – укорил он сам себя.

Конечно её внешний вид был совершенно удивительным, какая-то неземная красота и хрупкость в сочетании с твёрдым, уверенным голосом храбрящегося ребёнка. Опасный коктейль. Рассуждая таким образом и анализируя ситуацию в целом, капитан не заметил, как вернулся в управление. Ну

что же, девушке он сочувствовал сильно, но выстрел оказался холостым. Неужели чутье подводить стало?

В его кабинете суетились рабочие, подключая прибор, похожий на небольшую радиостанцию. Контролировал процесс Никодим, и завидев Павла, радостно провозгласил, цитируя главного героя из известного и любимого многими фильма: – Принимай аппарат, махнул не глядя!

– Что за аппарат, Дим Димыч? У нас и так теперь аппаратуры полно, с ней бы разобраться.

– Это, Паша, аппарат, который сильно упростит тебе жизнь. Благодаря этой станции ты сможешь быть на связи с любым членом опергруппы, где бы тот не находился.

– Так телефоны у всех, и рации, Дим Димыч, стоило ли городить? – улыбнулся капитан.

– Это хорошо защищённая станция с новейшей системой шифрования. Связываться сможешь как с каждым, так и со всеми одновременно, где бы сам не находился. Считай, что это и рация, и телефон, и компьютер в одном устройстве, но для вашего отдела лично. Никем не прослушивается. При нынешних обстоятельствах, Павел, незаменимая в хозяйстве вещь.

– Даже спрашивать не стану, где вы всё это раздобыли. Чувствую себя героем фантастического фильма, – пошутил капитан.

– Поглядим, такого ли уж фантастического. Совещание назначил?

– Да, сегодня в пять. Сначала вам слово дам, после озвучу всё, что есть.

– Вот и славно. Только ты ещё Анне слово дай, ей тоже есть что сказать.

– Непременно. Все выступят.

– Значит в пять. Ребята закончат, приборы всем раздадут, пользоваться научат. Ну, пошёл я, – попрощался Никодим, и ушёл.

Паша задумался. В управлении лишнюю скрепку было не выпросить, а тут и ремонт, и оборудование, и машина, каких они и не видели никогда. Темнит Никодим, ей богу, темнит. Дают – бери, но вопросов подобные траты вызывали много.

– Павел Аркадьевич, можно? – в кабинет заглянула Анна.

– Давайте у вас побеседуем, Анна? – кивком головы указав на рабочих, предложил Павел.

Расположившись в Аниных владениях и поудобнее пристроив ногу Павел приготовился слушать.

– Я получила первые ответы от наших коллег из соседних с нами районов, – Анна развернула географическую карту области, – в Семёновке, небольшом посёлке к югу от нас летом погиб местный житель. По заключению экспертизы – смерть наступила в результате нападения дикого зверя. Вот фотографии с места происшествия. Ранения такие же, как и у наших жертв. И такой же случай в Акуловке. Аналогичное заключение. Такие же снимки. Акуловка дальше на юг в сорока километрах от Семёновки. Между этими смертями

прошло полтора месяца. Обе жертвы найдены в лесу, первая в конце июня, вторая в середине августа. Остальные районы пока не дали информации.

– Хорошая работа, а главное своевременная. Перекиньте файлы на мой компьютер, и похожие случаи незамедлительно отправляйте мне.

– Значит всё–таки зверь, Павел Аркадьевич?

– Всё на совещании, Анна. Осталось три часа, потерпите уж, – сказал Павел и направился в лабораторию Петровича. Тот всё нарадоваться не мог новому, просторному помещению, и своему оборудованию. Но освоился, и какие–то процессы, судя по жужжанию техники и пыхтящим колбам шли своим чередом. Петрович рассматривал что–то в микроскоп, и периодически отвлекался на записи в блокнот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.